

НЕОЛОГИЯ В XVII–XX ВВ. РУССКАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Ф. Н. Двинятин

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
f.dvinyatin@spbu.ru*

НЕОЛОГИЗМ — РАРИТЕТ — АРХАИЗМ: НЕКОТОРЫЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье обсуждаются некоторые названия растений, животных, драгоценных камней, благовоний и пряностей в русской поэтической традиции. В первой части статьи приводятся списки синонимов (более или менее точных), случаев омонимии или полисемии, фонетических, грамматических и графических вариантов терминов и обозначений в рассматриваемой области. Дальнейшие разделы статьи содержат ряд примеров из таких показательных источников, как «Херсонида» С. С. Боброва и «Словарь ручной натуральной истории» В. А. Левшина. Эти и подобные им тексты содержат множество примеров слов из анализируемой области. Некоторые из этих слов появляются в определенных текстах определенного периода в качестве неологизмов и затем, после недолгого или даже единичного употребления, фактически обретают статус архаизмов. Среди хорошо известных примеров такие, как *анчар* ‘anchar’ (Пушкин и его источники), *гемасагара* (Гоголь вслед за Т. Муром и У. Джоунзом), *синель* (Тютчев) и т. д., к ним можно теперь прибавить такие, как *циана* ‘василек’, *чиндар* или *чандар* ‘Populus alba’ и т. д. Наконец, в отдельных случаях к этой группе лексики примыкают также некоторые названия сортов и марок тех или иных товаров (чай, вино, сигары и др.).

Ключевые слова: русская поэзия; лексика; наименования растений; наименования животных; неологизмы; архаизмы; синонимия; полисемия.

В предыдущих заметках были обобщены некоторые наблюдения над лексикой реалий в русской поэтической традиции. Прежде всего речь идет о синонимии. Среди синонимов в этой лексической группе встречаются почти равновесные по частоте употребления и нейтральности (немаркированности): *луна* и *месяц*, *олива* и *маслина*, *платан* и *чинара*, *тут* и *шелковица*, *чабрец* и *тимьян*, *бегемот* и *гиппопотам*, *осьминог* и *спрут*, *мирра* и *смирна*. Существенно больше случаев, в которых один из синонимов является частотным и нейтральным, а другой (иногда

другие, так как больше одного) — побочным, редким (вплоть до уровня гапакса), характерным только для определенной эпохи или идиостиля (-лей), маркированным определенными коннотациями (чаще всего историко-культурными, поскольку продолжает ощущаться происхождение из определенного языка или традиции, иногда поэтико-грамматическими, как в случае грамматического рода). Это, например, такие случаи, как *циана* при *василек*, *дряква* при *цикламен*, *далия* при *гергин*, *крин* при *лилия*, *шипок* при *роза*, *синель* при *сирень*, *урюк* ‘дерево’ при *абрикос*, *бабр* при *тигр*, *скимен* при *лев*, *пантера* ‘пятнистый леопард’ при *леопард*, *меск* при *мул*, *ишак* и *онагр* при *осел*, *камельопард* при *жираф*, *мышь* и *векша* при *белка*, *еродий* при *аист*, *филомела* при *соловей*, *гальциона* при *зимородок*, *желвь* при *черепаха*, *мокой* при *акула*, *ме(и)згирь* при *паук*, *смарагд* при *изумруд*, *лал* при *рубин*, *диамант* и *адамант* при *бриллиант* и *алмаз*, *маргарит* и *перл(ы)* при *жемчуг*, *жемчужина*, *киннамон* при *корица*, *ливан* при *ладан*. Некоторые из синонимов могут иметь в части контекстов отличные предметные значения: *скимен* ‘молодой лев, львенок’, *онагр* ‘дикий осел’, *шипок* ‘бутон розы’, но в других контекстах эти же слова могут обозначать просто льва, осла и розу соответственно. Особый случай подобной побочной синонимии — устойчивые фольклорные обозначения животных вроде *косой* ‘заяц’ или *серый* ‘волк’: это, в числе прочего, показывает возможную роль эвфемизмов в формировании синонимического ряда (ср. также о медведе *мечка*, *аркуда* у Епифания Премудрого, *хозяин*, *косолапый*, эвфемистическое происхождение самого обозначения *медведь*).

Роль церковнославянско-русских параллелизмов иллюстрирует общеизвестный ряд наименований частей тела и лица: *чело*, *очи*, *ланиты*, *уста*, *десница*, *шуйца*, *длань*, *перст*, *рамена*, *лоно* и др. К синонимии примыкает варьирование плана выражения у ряда обозначений реалий: ударения в случае *маслина* (кстати, Словарь Академии Российской вопреки своей практике не указывает в этом слове ударения), рода и фонемного состава в *алой-алоз*, *георгин-георгина*, *чинар-чинара*, *жираф-жирафа*, рода и написания в *сико(а)мор-сико(а)мора*. Наряду с синонимией встречаются полисемия и даже омонимия: *явор* ‘платан, чинара’, ‘белый клен, Асер pseudoplatanus’, ‘какое-то лиственное дерево, могучее (возможно, южное)’, *сико(а)мор(а)* ‘ближневосточное и африканское дерево Ficus sycomorus’, ‘западный платан, Platanus occidentalis’ (под влиянием английского словоупотребления), ‘белый клен, Асер pseudoplatanus’, *медуница* ‘медоносное растение’ и ‘собирающее нектар насекомое; пчела’, *аспид* ‘яшма’ и ‘змея’, *порфирный* ‘пурпурный’ и ‘из горной породы порфир’, *денница*, *вечерница* ‘утренняя (вечерняя) заря’ и ‘утренняя (вечерняя) звезда, Венера’. В подобных случаях возможны и проблемные контексты: *прудовая* (*сивого чая из прудовки*) в «Грамматике любви» Бунина — ‘дикорастущее растение, заменитель чая’ или (скорее) ‘прудовая, стоячая вода (не родниковая, колодезная или проточная)? *флердоранж* (*пахло от него хересом и флердоранжем*) в «Толстом и тонком» Чехова — ‘померанцевая настойка’ или ‘одеколон с запахом флердоранжа’? Возможны на этом фоне и паронимические путаницы, в том числе устойчивые, как в известном случае смешения *тмина* и *тимьяна* (обычно в перечислении пахучих трав вместо ожидаемого *тимьяна* появляется *тмин*).

Итак, одна из моделей существования лексических раритетов в области предметной лексики поэтической традиции — «побочный синоним нейтрального происхождения». Возможна и другая модель: «обозначение реалии, редко упоминаемой (вообще или именно в поэтической традиции)». В стадии «старения» редкие слова первого типа стареют по типу архаизма, а вторые — по типу историзма (сама реалия перестает упоминаться). Соответственно, и появляются слова второго типа по мере открытия, обнаружения реалий, вхождения их в кругозор поэтической эпохи. Разумеется, конкретные примеры редко представляют собой чистые случаи и обычно нуждаются в оговорках. Побочный синоним *циана* ‘василек’ в принципе неплохо представляет эволюцию по модели «неологизм — раритет — архаизм», но его существование затянулось почти на столетие, хотя и очень скудного пунктира, от Жуковского к Вяч. Иванову. *Чиндар* (*чандар*), предположительно ‘пирамидальный белый тополь (распространенный на Кавказе)’, напротив, характеризует небольшую эпоху (1840-е и их переживания), но сомнителен в определении его как побочного синонима (к *тополю*?) или все-таки редкой реалии. Но принципиальное различие понятно: *василек* был вовлечен в поле зрения и назван уже давно, а потом у него появилось окказиональное синонимическое обозначение, тогда как особая разновидность тополя привлекла внимание фактически впервые и впервые была как-то по-особому обозначена.

Есть несколько хорошо изученных, почти эмблематических примеров недолгого, иногда сверхкраткого, внимания к новой реалии с новым соответственно именем. В работах Р. Густафсона, С. В. Березкиной, А. А. Долинина и мн. др. очень тщательно исследован вопрос об источниках пушкинского «Анчара»; для целей этого обзора достаточно напомнить, что у выбранного Пушкиным варианта *анчар* был (есть) и яванский синоним *упас*, почти не использовавшийся в русских текстах; само же слово *анчар*, взятое Пушкиным из западных источников, оказывается в русской традиции безраздельно связанным с пушкинским текстом-прецедентом, по модели «первоупотребление и цитации». Точно так же М. П. Алексеев проследил проникновение обозначения цветущего дерева *гемасагара* в «Ганце Кюхельгартене» молодого Гоголя (*Какъ Гемасагара, такъ кудри блестятъ*) из только что, на момент создания идиллии, опубликованного перевода Т. Мура, к которому, в свою очередь, этот практически гапакс попадает от знаменитого индолога У. Джоунза. *Бензой* (*бензуй, бензое, бензуин*) появляется в прозаических источниках еще XVIII века, но, можно предполагать, входит в русские поэтические тексты при сильной поддержке упоминания в «Correspondances» Бодлера. Орангутан, первая человекообразная обезьяна, открытая европейцами и заинтриговавшая их воображение, упоминается у поэтов XVIII века: *Витійствуютъ уранги въ школахъ* у Державина и у него же обозначение Наполеона как *уранга*, ср. у Боброва *Подобно какъ Урангъ — Утангъ*. Итак, заимствование может в конечном счете восходить к одному из индийских языков (*гемасагара*), арабскому (*бензой* ‘с Явы’), малайскому (*орангутан* ‘лесной человек’), непосредственно осуществляться из английской (*гемасагара*) или французской (*бензой*) литературной традиции, слово может быть новым только

в поэтической традиции (*бензой, уранг*) или «настоящим» неологизмом, когда из всех подсистем и регистров языка первой его осваивает именно поэтическая традиция (*гемасагара*).

Наблюдая за процессами подобного типа, особое внимание, по-видимому, нужно обращать на «ученую» поэзию, ярким образцом которой может служить, например, «Херсонида» Боброва (в первом издании «Таврида», включена в список источников Словаря языка XVIII века) с ее обширным пластом реальной лексики, преимущественно названий растений, но также животных и минералов (Бобров С. Херсонида... пѣснотвореніе Вновь исправленное и умноженное. СПб., 1804; далее цитируется с указанием страниц). Например, перечисление в первой песни включает следующие наименования: *множество сиреневъ, бархатцевъ, солнцева сестра, донникъ, звѣрбой, ясины дики, ноготки, вербейникъ, съ бѣлою полынью, лоскутникъ тучный, иль курай, чабрь, катранъ* [род *Стамбе*, упоминается также в «Джане» А. Платонова, ср. *катран* ‘небольшая акула’], *жабрей, ленолистый тезій* (31–32; 10 наименований снабжены объяснительными примечаниями, обычно состоящими из иноязычного аналога); во второй — *гробина, липа, верба, буки, вязы, проломникъ, черный сладо-корень* [sic!], *серебряникъ, звѣздо-цвѣтъ, подлѣски, буквица, много-головникъ, денежникъ, съ соколымъ перелетомъ* (44–45; 8 объяснительных примечаний); в третьей — *буквица, шафраны, дубы, лаврь, олива, смоковница, гранатно древо* [ср. древо... *Сѣменично* ‘гранат’ в «Тилемахиде» Тредиаковского], *каркас восточный, курьма, манноносная ясень* [ж.р. и ударение на второй слог!], *шалфее-лиственный ладонникъ, сумахъ, скипидарникъ, нарды, скаммония, древа слабительны, [древа] пузырны, древа клубничны, орѣшники, кизиль, черешня, вишня, слива, каперсовъ кусты, винограды, съ бековиною* (89–90; 8 объяснительных примечаний). Кроме того: *колкій ежъ* [sic! — трава], *спаржа, фасоли, яблоки любовны* ‘помидоры’, *бадиджанъ, кукуруза* (51), *бедренец, кервель, плакунъ, синеголовникъ, красавица-трава* ‘беладонна’ (53), *шелковица, айва* (62), *туть, раина* (63), *абрикосы, брусквины, кишинець, гвоздика, кипрейникъ, шалфей, пчельник, бальзамины* (73), *меспили, фисташи* (75), *поздо-цвѣтъ* (80), *въ Вероникѣ и Ангеликѣ, и въ Риндерѣ новооткрытомъ, и въ цвѣто-грозномъ фитолаккѣ... въ нетленныхъ тисахъ, бузинахъ... акации* (95), *маѣранъ* (111), *артышь* (214) — немногим менее сотни наименований, и из них большинство (практически все ботанически идентифицируемые) принадлежит к тем окказионализмам поэтической традиции, которые, едва став неологизмами, становятся в то же время и фактическими архаизмами, поскольку далее в поэтических текстах не фиксируются. Списки птиц, рыб, прочих животных, минералов несколько скуднее, но тоже достаточно представительны и экзотичны.

Другой тип текстов, заслуживающих внимания, — прозаические источники, осваивающие новую экзотику (в XVIII веке преимущественно «восточную» и «колониальную») — травелоги, очерки естественной истории, словари. Они могут фиксировать первые этапы вхождения в язык имен той или иной реалии, а иногда их показания по яркой фикциональной образности и выразительному слогу стоят на грани литературного описания. Таков, например, «Словарь ручной

натуральной истории» В. А. Левшина (М., 1788 — далее цитируется т. 1 с указанием страниц) с его бестиарием эпохи освоения далеких континентов и (раннего?) Просвещения: *ЕНГРИ. Родъ Тигровъ Африканскихъ, нападающихъ на Негровъ, и не трогающихъ людей бѣлыхъ* (144; ср. *Le Dictionnaire des arts et des sciences de M. D. C. de l'Académie Française*. Т. 1. Р., 1694. Р. 371; легенда восходит по крайней мере к “*Naukeurige beschrijvinge der Afrikaensche gewesten*” О. Даппера, Амстердам, 1668, с. 569; *енгри* от *ingwe* ‘леопард’ на некоторых языках банту); *МОССЪ. Звѣрь Сѣверной Америки, ростомъ съ быка, имѣющей шею оленью, голову и хвостъ дикой козы, рога широкіе, кои перемѣняетъ всякой годъ; ноги длинныя и коровьи копыта* (312; ср. *Manuel lexique ou Dictionnaire portatif des mots françois: dont la signification n'est pas familière à tout le monde... Seconde Partie*. Р., 1750. Р. 461; устойчивая путаница французской лексикографии той эпохи, восходящая к какой-то первоначальной фиксации английского *moose* ‘лось’ как *mosse* с последующим разведением обоих персонажей); *АКСОЛОТИ. Рыба озера Мексиканскаго имѣющая четыре ноги, какъ ящеры, и безъ чешуи. Сказываютъ что у ней есть матка какъ у женщины, и бываетъ мѣсячное очищеніе* (8; ср. *Histoire générale des voyages ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différentes langues de toutes les nations connues...* Т. 12. Р., 1754. Р. 644), и др. Некоторые из приводимых у Левшина обозначений встречаются потом и в поэтических текстах: *ДОРАДЬ. Рыба морская... Мясо ея вкусно* (119) — *Ловиль мурень, дорадь и вкусныхъ устрицъ* (Мей, Сервилия); и даже в библейских переводах: есть основания считать, что слово *камелопардь* ‘жираф’, использованное в синодальном переводе Второзакония (14: 5), изданном в 1868 году, именно в этой форме впервые зафиксировано у Левшина: *КАМЕЛОПАРДЬ, или Верблюдопардь. Животное Абиссинское сходствующее на верблюда съ головы и шеи, а на леопарда пятнами, коими испещрена кожа его, хотя пятна сіи у него красноваты. Онъ выше слона, но не таковъ толстъ* (194–195), ср. *ГИРАФЪ и ЖИРАФЪ. Звѣрь Африканской... Считаютъ онаго уродомъ, отъ двухъ разныхъ животныхъ происходящимъ* (97–98). Вообще, словарь Левшина хорошо показывает ту тенденцию, которая проявляется и в поэтических текстах: наличие двух наименований реалии часто воспринимается как повод дублировать саму реалию, предположив, что два термина соответствуют двум похожим, но все-таки различным сущностям. И если *АКУЛЬ рыба смотри, мокой* (9) или *КАШЕЛОТЬ. Родъ китовъ — Смотри Біари* (207), то, с другой стороны, *КИНАМОНЬ, или Кинамомъ. Деревцо, имѣющее корку, сходствующую на корицу, и всѣ оной свойства; хотя утверждаютъ, что роды ихъ различны* (213), *АНАНАС. Плодъ Индійской, подобный пинову яблоку* (16) и др.

Для последних десятилетий XVIII века в обсуждаемой лексической группе характерны две основные тенденции привлечения лексики: из старой книжности (церковнославянского, старорусского) и из новейших географических и естественнонаучных источников (экзотизмы, обычно прошедшие через европейские языки, европеизмы, русские кальки и искусственно построенные новые термины). В начале XX века положение, как ни странно, похожее: экзотизмы и европеизмы, только

уже «новые» (скажем, на месте *уранга* или *орангутана* теперь *горилла* и *шимпанзе*, освоенные научными и публицистическими текстами несколько десятилетий назад и теперь добравшиеся до поэзии), и возвращение к некоторым элементам словаря старой книжности, возобновленные обозначения, своего рода ренеологизмы, вроде тех же *бобр* или *скимен*. Яркий пример целого пласта уникальных слов в таком «отложенном» на более позднюю эпоху тексте, как «Песнь о Гайавате» Лонгфелло: переводчик Бунин сохраняет приведенные в англоязычном оригинале индейские слова-дубликаты, и если рассматривать словарь русской поэзии как тезаурус, то эти опять-таки прошедшие через западную традицию экзотизмы — уже неотъемлемый элемент этого тезауруса. Наиболее богаты материалом подобного рода и лексикографическим и лингвопоэтическим их осмыслением тома «Словаря языка русской поэзии XX века» [СЯРП].

Еще одна любопытная группа поэтического словаря, проходящая путь от неологизма до историзма — разного рода наименования видов и сортов тех или иных товаров, а иногда и марок, если они тяготеют к статусу имен нарицательных. Вообще, распределение в этой лексической группе между полюсами безусловно собственных и безусловно нарицательных обозначений довольно плавное и исторически изменчивое. В оригинале у В. Курочкина названия сигарных марок набираются с прописных: *Сигарочку вамъ-сь; Имперьялисъ, Регалия, Упманъ, Трабукъ* (в современных перепечатках со строчных), но так же оформлены и упоминаемые в том же стихотворении вина: *Угодно-сь Икемцу, Лафиту? Угодно-сь Рейнвейну, Шабли?* (с современной точки зрения, два первых — именно марки, то есть собственные имена, а вторые два — обозначения вина по региону, скорее нарицательные, но, по-видимому, в России середины XIX века скорее все четыре воспринимались как названия определенных типов вина — впрочем, на этом трудно безусловно настаивать). В текстах Державина упоминается чай *глазумей*, и сам Державин в автокомментарии указывает, что это лучший разбор китайского чая (а Грот воспроизводит это объяснение), но за пределами текстов Державина упоминание такого сорта пока не обнаружено, и наоборот, китайско-русская торговля чаем знает многие сортовые названия, среди которых нет ничего сколько-нибудь похожего на *глазумей*. Второй и третий слог в принципе можно соотносить с некоторыми китайскими слогами-морфемами, но это не облегчает поиск, тем более что первый слог звучит совсем не по-китайски. Хорошо известна роль модных марок в текстах Пушкина. В начале XX века такой материал тоже есть: например, упоминание бульонных кубиков *магги* у Маяковского и Гумилева.

Литература

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VI — / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, Знак, 2001–2015—.

F. N. Dvinyatin
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
f.dvinyatin@spbu.ru

NEOLOGISM — RARITY — ARCHAISM: SOME NATURAL HISTORY TERMS IN THE RUSSIAN POETIC TRADITION

The paper considers names of plants, animals, gems, ointments, incenses and spices in the Russian poetic tradition. The first part contains lists of exact and non-exact synonyms, homonyms and variations in spelling, pronunciation and grammar. The further sections include some examples from such representative sources as *Chersonida* by Semyon Bobrov, the sample of *poesia docta*, and *Slovar' ruchnoi natural'noi istorii* (Manual Dictionary of Natural History) by Vasilii Lyovshin. These and other similar texts contain many rare and specific nominations in the analyzed field. Some of them appear in a certain period as neologisms and then, after short or even single use, become archaisms. The well-known examples are *анчар* 'anchar' (Pushkin and his sources), *гемасагара* 'hemasagara' (Gogol after Thomas Moore and William Jones), *синель* (lilac, Tyutchev) etc., the new ones are *циана* 'cornflower', *чиндар* or *чандар* 'Populus alba' etc. In some cases several types and brands of goods (tea, wine, cigars etc) can be added to the discussed lexical group.

Key words: Russian poetry; lexicon; names of plants; names of animals, neologisms, archaisms, synonymy, polysemy.

References

Grigor'ev V. P., Shestakova L. L., Kolodyazhnaya L. I., Kuleva A. S., Bakerkina V. V., Gik A. V., Reutt T. E., Fateeva N. A. *Slovar' yazyka russkoi poezii XX veka. T. I–VI* [Dictionary of language of the XX century Russian poetry. V. I–VI]. V. P. Grigor'ev, L. L. Shestakova (eds.). Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2001–2015–.